ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ В ЗЕРКАЛЕ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Тойчиева Насибахон Суранбаевна
Доцент, межфакультетской кафедры русского языка Самаркандского Государственного университета им. Шарофа Рашидова
toychiyeva1967@gmail.com
Текбучава Ирина Георгиевна
Доцент, межфакультетской кафедры русского языка Самаркандского Государственного университета им. Шарофа Рашидова mail:
tkebuchava1970@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуются динамические процессы взаимодействия, взаимного влияния и интеграции бытовой лексики русского и узбекского языков в современном социокультурном и лингвистическом пространстве. Предметом анализа выступает пласт повседневной обиходной лексики, кулинарные наименования, названия элементов одежды и предметов домашнего обихода, функционирующих в живой речи билингвов.

Ключевые слова: бытовая лексика, русский язык в Узбекистане, лингвокультурология, языковая интерференция, узбекизмы, русизмы, межкультурная коммуникация.

Введение. Современное глобализационное и геополитическое пространство диктует необходимость непрерывного переосмысления процессов, происходящих в зонах активных межязыковых контактов. Лингвистическое и культурологическое пространство Центральной Азии, и в особенности Узбекистана, представляет собой уникальный полиэтнический полигон, где на протяжении многих десятилетий разворачивается комплементарное взаимодействие узбекского и русского языков. В данном контексте русский язык не просто сохраняет статус одного из важнейших языков межнационального общения, но и трансформируется под влиянием автохтонной культуры, приобретающей специфические региональные черты и одновременно выступающей мощным катализатором модернизации понятийного аппарата принимающей лингвокультуры [Джусупов, 2021, с. 186].

Именно обиходно-разговорная речь, оперативно реагируя на изменения в материальной и духовной культуре общества, первой аккумулирует и

отражает процессы межъязыковой диффузии. Бытовая лексика тесно связана с прагматикой повседневности, с глубинными архетипами человеческого существования, такими как дом, еда, одежда, семья и социальное микроокружение.

Методология. В качестве эмпирического материала послужили фиксации живой разговорной речи жителей крупных урбанизированных центров Узбекистана, собранные в течение последних лет. Общий объем репрезентативной выборки составил более 400 языковых единиц (лексем, устойчивых словосочетаний, идиоматических выражений), активно используемых в повседневном обиходе. Дополнительным источником материала послужили тексты современных русскоязычных и узбекоязычных блогов, локальных групп в социальных сетях и электронных СМИ, отражающие реальное состояние разговорной нормы.

Научно-теоретического описания и классификации, позволивший системно дифференцировать собранные языковые единицы по конкретным тематическим и семантическим группам повседневного обихода. Далее, с целью выявления специфики структурно-грамматических и фонетических адаптаций заимствованных лексем в системе языка-рецептора, активно применялся сопоставительный метод [Одилова, 2020, с. 153]. Поскольку исследование сфокусировано на стыке языка и культуры, ключевое значение получил метод лингвокультурологического анализа; с его помощью авторами эксплицировались скрытые культурные коннотации, ментальные ассоциации и прецедентные смыслы, стоящие за конкретной бытовой лексикой в контексте межэтнического диалога [Ерещенко, 2018, с. 212].

Описательный и аналитический потенциал работы был существенно подкреплен социолингвистическим методом анкетирования и устного интервьюирования, проведенным среди активных русско-узбекских билингвов.

Результаты.Проведенный анализ эмпирического материала показал, что процесс взаимопроникновения бытовой лексики между русским и узбекским языками носит ярко выраженный двусторонний, но при этом функционально асимметричный характер. Было установлено, что заимствование лексем жестко детерминировано прагматическим контекстом и тематической спецификой повседневной деятельности.

Первый масштабный вектор — это проникновение узбекизмов в русскоязычный дискурс региона. Этот процесс наиболее интенсивно протекает в таких тематических сферах, как «Кулинарные и обиходные реалии»,

«Семейная иерархия и социальные роли в быту», «Пространственная организация жилья». В сфере гастрономического быта такие слова, как *курт* или *куртаб*, а также *пиала*, давно вышли за рамки экзотизмов и полностью ассимилировались в русском языке, получив грамматические категории (например: «налить чаю в пиалу», «купить соленого курта»).

Особое место занимает концепт *«ош»*. В русской речи жителей Узбекистана это слово используется не просто как наименование блюда, а как маркер ритуального домашнего или общинного сбора («поехать на утренний ош», «позвать друзей на ош»), заменяя русские понятия «званый обед» или «застолье» [Ерещенко, 2018, с. 214].

В сфере семейного быта и социальных ролей ключевым выступает слово *«келин»* (невестка). В локальном русском дискурсе оно приобрело особое лингвокультурологическое значение. Его используют вместо русского слова «невестка», когда хотят подчеркнуть специфический статус молодой жены в традиционном доме, её обязанности по ведению домашнего хозяйства и проявление уважения к старшим («наша келин встает раньше всех»).

В области пространственной организации частного дома активно функционирует лексема *«дарвоза»* (ворота). В русской разговорной речи региона часто можно услышать выражения вроде «подойти к дарвозе», «покрасить дарвозу», так как данное слово репрезентирует не просто элемент ограждения, а фасадную, репрезентативную часть восточного дома, отделяющую приватное пространство двора от общественной улицы.

Второй, зеркальный вектор — это масштабная инфильтрация русизмов в узбекоязычную бытовую речь. Этот процесс на современном этапе приобрел новые технологические и прагматические оттенки. Наиболее подверженными влиянию русского языка оказались тематические группы «Организация повседневных процессов», «Домашнее хозяйство» и «Сфера услуг» [Одилова, 2020, с. 154].

В узбекском разговорном языке прочно закрепились и функционируют такие русизмы, как *заказ, счёт, смена, тряпка, пробка*. Например, при посещении заведений общепита или заказе бытовых услуг узбекоязычные граждане повсеместно используют слово *«счёт»* («счётни олиб келинг» — принесите счет) или *«заказ»* («заказ килдик» — мы сделали заказ), несмотря на наличие литературных эквивалентов (*ҳисоб, буюртма*). В живой домашней коммуникации большинство опрошенных узбекоязычных респондентов также отдают предпочтение русскому слову *«тряпка»* при описании процесса уборки или слову *«пробка»* в значении электрического предохранителя («пробка отиб

кетди» — выбило пробки). При этом слова претерпевают легкую фонетическую адаптацию в соответствии с законами узбекского языка, но сохраняют свой лексический корень.

Особый интерес представляет глагольная интерференция на базе этих русизмов и образование гибридных конструкций. В живой узбекской речи чрезвычайно частотна модель, при которой русский корень бытового существительного соединяется с узбекским вспомогательным глаголом «килмок» (делать). Примерами в данном контексте могут служить выражения: *«заказ килмок»* (заказывать), *«дежурство килмок»* (дежурить по дому/смене). Это свидетельствует о глубоком уровне структурного проникновения, когда русский лексический элемент становится базой для реализации узбекской грамматической парадигмы.

Обсуждение.Полученные в ходе исследования результаты открывают широкое поле для теоретической дискуссии в русле современной лингвокультурологии. Очевидно, что функционирование русского языка в лингвистическом пространстве Узбекистана вышло за рамки классического «языка-донора» и приобрело характер глубинного субстратно-суперстратного взаимодействия. Как справедливо отмечает в своих трудах профессор М. Джусупов, русский язык в Узбекистане начинает функционировать в виде специфического регионального варианта, который не является нарушением нормы, но представляет собой естественную адаптацию языка к иной этнокультурной среде [Джусупов, 2021, с. 190].

Бытовая лексика, проанализированная нами, демонстрирует уникальное явление — формирование общего «бытового тезауруса» жителей региона, независимо от их этнической принадлежности. Когда русскоязычный житель Самарканда или Ташкента говорит: «Зайди через дарвозу, келин как раз налила чай в пиалу», он не просто использует заимствования, он оперирует культурными концептами, которые невозможно адекватно перевести на литературный русский язык без потери прагматического и этнографического смысла. Слово «ворота» не передает весь спектр ассоциаций, связанных с «дарвозой», так же как и слово «невестка» полностью нивелирует те социокультурные коннотации, которые заложены в понятии «келин».

Таким образом, бытовая лексика выполняет важнейшую культурологическую функцию — она выступает в роли «мягкой силы» межэтнической интеграции. В отличие от политического или научного дискурса, где языковые границы строго охраняются нормой, бытовое пространство демонстрирует высокую толерантность и синкретизм.

Происходит дефокусировка оппозиции «свой — чужой», и иноязычное слово начинает восприниматься как органичный элемент собственного повседневного мира.

Заключение. Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать несколько принципиальных выводов.

Верификация полученных результатов обеспечена комплексной методикой исследования. На этапе систематизации эмпирического материала применялся метод научно-теоретического описания и классификации по тематическим группам. Структурно-грамматические и фонетические адаптации заимствований анализировались с помощью сопоставительного метода [Одилова, 2020, с. 153]. Скрытые культурные коннотации и ментальные ассоциации бытовых лексем выявлялись путем лингвокультурологического анализа [Ерещенко, 2018, с. 212]. Описательные выводы были подкреплены социолингвистическим анкетированием и интервьюированием русско-узбекских билингвов, что позволило определить частотность употребления обиходных слов и степень их восприятия в категориях «свой — чужой».

Список литературы

1.Баско, Н. В., Бахронгаджиева, М. А. Функционирование русского языка в Республике Узбекистан (на материале современной прессы) // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 138–144.

2.Джусупов, М. Русский язык в Узбекистане: функционирование, состояние, перспективы // Русский язык в научном освещении. — 2021. — № 1. — С. 185–198.

3.Ерещенко, М. В. Особенности функционирования русского языка в Узбекистане в лингвокультурологическом аспекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. — 2018. — Т. 15, № 2. — С. 210–217.

4.Одилова, Г. Т. Узбекско-русский билингвизм: интерференция на лексическом уровне // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 4. — С. 152–156.